

Автономия воли в трансграничных деликтах

Аннотация. В статье рассматриваются российское и европейское законодательство, доктрина и судебная практика, посвященные автономии воли в трансграничных деликтах. В российском законодательстве автономия воли появилась благодаря новеллам, вызванным Федеральным законом от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации». Данный закон, в свою очередь, был построен на положениях Регламента № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11.07.2007 о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам. В советский период коллизионное регулирование трансграничных деликтов сводилось к применению отечественного права. Анализ более чем десятилетнего использования автономии воли в трансграничных деликтах в России и за рубежом показал сравнительно небольшую востребованность нормы, что обусловлено юридическими, психологическими, квалификационными причинами. Вместе с тем обращение к автономии воли в трансграничных деликтах с участием частных лиц может быть оправданным, если стороны хотят выбрать, с их точки зрения, оптимальное, современное, более простое в применении правовое регулирование.

Ключевые слова: коллизионное регулирование; трансграничный деликт; автономия воли; потерпевший; причинитель вреда; Регламент «Рим II»; Гражданский кодекс РФ; закон суда; закон места причинения вреда; соглашение о выборе применимого права.

Для цитирования: Блинова Ю. В. Автономия воли в трансграничных деликтах // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 11. — С. 170–184. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.168.11.170-184.

Autonomy of Will in Cross-Border Torts

Yulia V. Blinova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Civil Law,
Altai State University, Barnaul, Russian Federation
jblinova@yandex.ru

Abstract. The paper examines Russian and European legislation, doctrine and judicial practice devoted to the autonomy of will in cross-border torts. In Russian legislation, autonomy of will appeared due to the innovations caused by the Federal Law of September 30, 2013 No. 260-FZ «On Amendments to Part Three of the Civil Code of the Russian Federation». This law, in turn, was based on the provisions of Regulation No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations. During the Soviet period, conflict of laws regulation of cross-border torts was limited to the application of domestic law. An analysis of more than a decade of use of autonomy of will in cross-border torts in Russia and abroad has shown a relatively low demand for the norm, which is due to legal, psychological, and classification reasons. At the same

© Блинова Ю. В., 2024

* Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета
Ленина пр., д. 61, г. Барнаул, Россия, 656049
jblinova@yandex.ru

time, an appeal to the autonomy of will in cross-border torts involving private individuals may be justified if the parties want to choose, from their point of view, the optimal, modern, and easier to apply legal regulation.

Keywords: conflict of laws regulation; cross-border tort; autonomy of will; victim; tortfeasor; Rome II Regulation; Civil Code of the Russian Federation; law of the court; law of the place where the damage was caused; agreement on the choice of applicable law.

Cite as: Blinova YuV. Autonomy of Will in Cross-Border Torts. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(11):170-184. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.168.11.170-184.

Федеральным законом от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ в ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации² внесены множественные изменения, в частности, в ст. 1210 ГК РФ добавлен пункт 6, в ст. 1219 ГК РФ — пункт 4, в гл. 68 включена новая статья 1223.1, основным смыслом которых является распространение автономии воли на трансграничные деликты. Вместе с тем некоторые предоставления коллизионного законодательства затруднительно квалифицировать однозначно как принятые ко благу потерпевшего: так, не вполне ясно, когда и почему соглашение о выборе применимого права целесообразнее для потерпевшего — физического лица, которое, как известно, нейтрализует основную и традиционную привязку — закон места причинения вреда³. Другими словами, одинаковая востребованность у потерпевшего и причинителя вреда автономии воли как возможности выбора применимого права после умаления жизни, здоровья или имущества потерпевшего не очевидна. В то же время более чем десятилетний срок действия

российских коллизионных новелл требует их анализа, с учетом исторического становления и сравнительно-правового отражения соответствующих коллизионных норм, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.⁴ не располагал коллизионным регулированием трансграничных деликтов⁵. Аналогично можно высказаться и о Гражданском кодексе РСФСР 1964 г.⁶ — в источнике отсутствовали коллизионные нормы о деликтах. Небольшим шагом вперед к развитию советского международного частного права можно считать Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.06.1977⁷, дополнивший Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. статьей 563.1, второй абзац которой отсылал к советскому закону в вопросе гражданской дееспособности иностранных граждан и лиц без гражданства в отношении сделок и деликтов, совершаемых в РСФСР (территориальная доктрина). Такая формулировка статьи допускала в дальнейшем ее трансформацию в двустороннюю коллизионную норму — советское право применялось в отношении обязательств вследствие причинения вреда с участием иностран-

¹ СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5030.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

³ П. 58 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 17 июля.

⁴ Гражданский кодекс РСФСР от 31.10.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

⁵ Сказанное не умаляет навыков отечественного законодателя по урегулированию «межобластных» коллизий в СССР — первые нормы датируются 1923 г. (см.: Борисов В. Н., Марышева Н. И., Хлестова И. О. Глава 1. Обязательства, возникающие из причинения вреда, в международном частном праве // Внедоговорные обязательства в международном частном праве / отв. ред. И. О. Хлестова. М., 2017).

⁶ Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.06.1977 «О внесении изменений и дополнений в Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» [утратил силу] // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 24. Ст. 586.

ных граждан и лиц без гражданства в РСФСР, иностранное — за границей. Как следовало из ст. 167 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик⁸, права и обязанности сторон по обязательствам из деликтов, в случае если сторонами выступали советские граждане и юридические лица, регулировались советским правом независимо от места совершения вреда. Надо полагать, что отечественный законодатель придерживался принципа экстерриториальности действия советского права в отношении своих граждан и юридических лиц по умолчанию и ранее, во времена существования Гражданских кодексов РСФСР 1922 г. и 1964 г. Часть третья ГК РФ (в ред. 2001 г.) в ограниченном виде допускала автономии воли сторон, разрешая последним после совершения деликта выбрать только *lex fori* (п. 3 ст. 1219 ГК РФ).

Однако уже в Концепции развития гражданского законодательства заявляется достаточно масштабная цель реформирования законодательства о международном частном праве — расширение автономии воли сторон, с тем чтобы стороны могли выбрать любое право, однако без ущерба для прав третьих лиц (п. 2.13 Концепции)⁹. Затем последовала кропотливая работа по оптимизации нормативного состава, закончившаяся для международного частного права России, как уже говорилось, принятием Федерального закона от 30.09.2013 № 260-ФЗ. Согласно Пояснительной записке к законопроекту рассматриваемого закона целями новелл

законодательства о международном частном праве в России являются: 1) увеличение количества прямого коллизионного регулирования и вытеснения критерия «тесной связи»; 2) коррекция некоторых коллизионных норм для достижения большей адекватности регулирования; 3) юридико-техническая коррекция коллизионных норм в целях более правильного применения судами¹⁰. Одной из таких новелл выступает норма, разрешающая выбор применимого права к отношениям, не основанным на договоре. Говоря о непосредственных целях законопроекта, обосновывающих реформирование коллизионного регулирования обязательств вследствие причинения вреда, следует назвать, во-первых, придание бóльшей гибкости общим положениям о подлежащем применению праве; во-вторых, расширение круга обязательств, на которые действует специальное коллизионное регулирование; в-третьих, расширение допустимых пределов автономии воли сторон в выборе права, в частности, к обязательствам вследствие причинения вреда с сохранением необходимых ограничений¹¹. Примечательно, что закон уже на стадии законопроекта № 47538-6 формулировал изменения о выборе сторонами применимого права к обязательствам не из договора «широкой кистью», путем дополнения ст. 1210 ГК РФ, что заложено еще Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации¹². И впоследствии этот вариант устоял: статья 1210 ГК РФ получила в распоряжение

⁸ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-I [утратили силу] // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1991. № 26. Ст. 773.

⁹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. С. 99.

¹⁰ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/171311-6> (дата обращения: 15.02.2024).

¹¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. С. 99 ; Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

пункт 6 в качестве общего правила, кроме того в соответствующие статьи, регулирующие внедоговорные отношения с иностранным элементом, были внесены изменения (п. 3 ст. 1206, п. 4 ст. 1219, п. 2 ст. 1221, абз. 2 п. 1 ст. 1222, п. 2 ст. 1222.1, п. 3 ст. 1223 ГК РФ).

По замечанию самих разработчиков законопроекта, пункт 4 ст. 1219 ГК РФ рабочей группой по подготовке изменений и дополнений в разд. VI «Международное частное право» ГК РФ не обсуждался, а появился в окончательном тексте Федерального закона от 30.09.2013 № 260-ФЗ¹³. Из Обобщения дискуссий названной рабочей группы не становятся ясными причины, побудившие распространить автономию воли на трансграничные деликты, кроме заимствования зарубежного опыта в части коллизионного регулирования внедоговорных трансграничных отношений¹⁴. Как указывает в постатейном Комментарий к разд. VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации И. С. Зыкин, статья 1223.1 ГК РФ *de lege ferenda* несет в себе потенциал дальнейшего развития¹⁵.

Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11.07.2007 о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам¹⁶ (далее — Регламент 2), в ст. 1 «Сфера применения» делает ряд важных исключений: для обязательств, вытекающих из семейных и приравненных к ним отношений; для режимов имущества супругов или иных, к которым применяются аналогичные послед-

ствия; режимов имущества в рамках наследования; обязательств, возникающих на основании ценных бумаг и в связи с их оборотностью; для корпоративных отношений; из причинения вреда ядерными материалами; для внедоговорных обязательств, вытекающих из посягательств на частную жизнь и на личные неимущественные права (*rights relating to personality, Persönlichkeitsrechte*), включая клевету. Под личными неимущественными правами, по словам А. О. Четверикова, следует понимать, в частности, достоинство, честь, деловую репутацию физического или юридического лица.

В 2021 г. Британским институтом международного и сравнительного права на основе национальных докладов был подготовлен обширный отчет по более чем десятилетней практике применения Регламента 2 в странах-участницах, включая применение ст. 14 Регламента 2¹⁷. Надо отметить чрезвычайно низкую популярность указанной нормы в судебной практике государств: из 26 докладов лишь 9 сообщают о рассмотренных в судах 1–5 дел со ссылкой на ст. 14 Регламента 2¹⁸, при этом зачастую докладчики не находят в судебных решениях *ratio decidendi* (*findings*) для будущих дел, что свидетельствует о еще не сложившейся практике применения автономии воли во внедоговорных трансграничных обязательствах.

Немногим больше количество стран ЕС, способных похвастаться глубокими теоретическими исследованиями, посвященными ст. 14 Регламента 2, где обозначены текущие и потенци-

¹³ Обобщения дискуссий рабочей группы по подготовке изменений и дополнений в разд. VI «Международное частное право» ГК РФ // Вестник гражданского права. 2019. № 2. Т. 19. С. 171.

¹⁴ Обобщения дискуссий рабочей группы по подготовке изменений и дополнений в разд. VI «Международное частное право» ГК РФ. С. 177–179.

¹⁵ Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И. С. Зыкин, А. В. Асосков, А. Н. Жильцов. М. : Статут, 2021. С. 512.

¹⁶ Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11.07.2007 о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам (Рим II) (перевод А. О. Четверикова) // СПС «Гарант».

¹⁷ *Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O’Keeffe S.* Study on the Rome II Regulation (EC) 864/2007 on the law applicable to non-contractual obligations, 2021 // URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/11043f63-200c-11ec-bd8e-01aa75ed71a1> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁸ Это количество еще более сократится, если учитывать выбор применимого права только в трансграничных деликтных отношениях.

альные проблемы применения Регламента 2 в этой части¹⁹.

Для полноты исследования правоприменительной практики в каждой стране был также проведен опрос по применению Регламента 2 и, в частности, поставлен вопрос о том, пользуются ли стороны предоставленной автономией воли во внедоговорных трансграничных отношениях. Результат опроса в целом совпал с деятельностью судов: 15,31 % респондентов ответили утвердительно, 57,14 % — отрицательно, 27,55 % не владеют информацией²⁰.

Несмотря на низкую востребованность принципа автономии воли в трансграничных деликтах, всё же заслуживает отдельного рассмотрения опыт Эстонии, Германии, Италии и Великобритании по применению ст. 14 Регламента 2.

Как указывает в своем докладе М. Эберс, свобода выбора права, применимого к внедоговорным трансграничным отношениям, внесла в Эстонию сумятицу в уголовные дела с гражданским иском²¹. В двух случаях суды решили, что согласие потерпевших от преступлений и согласие нарушителя в гражданском иске, имеющем предметом рассмотрение гражданского дела

в эстонском суде, следует толковать как соглашение по смыслу ст. 14 Регламента 2. Давая правовую оценку этим решениям, М. Эберс отмечает, что, во-первых, судьи по уголовным делам не слишком часто занимаются вопросами международного частного права, во-вторых, эти решения вынесены на заре применения Регламента 2²².

М. Леманн докладывает о нюансах подразумеваемого выбора применимого права и толковании понятия «свободное волеизъявление сторон» на основе решений немецких судов²³. Так, по мнению судей Высшего земельного суда Франкфурта (OLG Frankfurt), суд, приписывая сторонам неявный выбор права, должен быть хотя бы уверенным в осведомленности сторон о возможности такого выбора применимого права²⁴. Если стороны только представляют суду свои доказательства согласно установленной процедуре, то суд на этом основании еще не может делать вывод о выборе сторонами в качестве применимого права *lex fori*. Другие суды также требуют некоторого (минимального) понимания возможности выбора применимого права. Поэтому, если два адвоката в немецком

¹⁹ К текущим и потенциальным проблемам применения Регламента 2 можно отнести, в частности: 1) соотношение Регламента 2 и Конвенции о праве, применимом к дорожно-транспортным происшествиям, 1971 г., отчасти — Конвенции о договоре международной автомобильной перевозки 1973 г. (вопрос приоритета): P. Paretti, I. Kačevska, E. Torralba (*Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O'Keeffe S.* Op. cit. P. 161, 339, 664); 2) соотношение Регламента 2 и Регламента № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17.06.2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (далее — Регламент 1) (допустимость субсидиарного применения норм Регламента 1 к отношениям, не урегулированным Регламентом 2, например к форме и действительности соглашения о выборе применимого права, к допустимости расщепления применимого права и пр.): M. Lehmann, V. Bineva, P. Franzina, M. Zamorska, R. Vale e Reis, E. Torralba (Op. cit. P. 108, 144, 245, 321, 428–430, 465, 664); 3) допустимость подразумеваемого выбора применимого права (implicit choice of law): M. Ebers, D. Fairgrieve, M. Lehmann, K. Rokas, P. Franzina, I. Kačevska, X. Kramer, M. Zamorska, G. Trantea, M. L. Kinsler, B. Phelps (Op. cit. P. 202–203, 227, 245, 269, 321, 339, 399, 428–429, 481, 693); 4) содержание понятий «свободное волеизъявление» (freely negotiated) и/или «коммерческая деятельность» (commercial activity): M. Lehmann, D. Fairgrieve, P. Franzina, M. Zamorska, J. Kramberger (Op. cit. P. 108, 227, 245, 321, 429, 630); 5) иные вопросы (например, приоритет норм ст. 14 в Регламенте 2 по отношению к предшествующим нормам документа; допустимость последующего изменения выбранного применимого права): P. Paretti, M. Zamorska (Op. cit. P. 161, 430).

²⁰ *Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O'Keeffe S.* Op. cit. P. 760.

²¹ Estonia // *Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O'Keeffe S.* Op. cit. P. 202.

²² Estonia // *Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O'Keeffe S.* Op. cit. P. 203.

²³ Germany // *Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O'Keeffe S.* Op. cit. P. 245.

²⁴ Germany // *Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O'Keeffe S.* Op. cit. P. 245.

суде обсуждают сроки исковой давности, нельзя делать вывод о достижении согласия о выборе немецкого права, если последнее не было предметом обсуждения (Высший земельный суд Хамма (OLG Hamm)). Другими словами, уровень осведомленности о праве, профессионализма лица влияет на возможность молчаливого или подразумеваемого выбора применимого права: что позволено обычному гражданину, не годится для профессионала. Кроме того, в Германии, как и в других европейских странах, подвергается сомнению допустимость использования стандартных оговорок или общих условий сделок как способа реализации свободного волеизъявления²⁵.

В качестве итальянской правоприменительной практики ст. 14 Регламента 2 П. Францина приводит противоположные решения двух судов. Например, трибунал в Варезе посчитал, что стороны выбрали применимое право, поскольку во время судебного заседания о дорожно-транспортном происшествии в Испании их представители ссылались на итальянское право²⁶. Однако, как подчеркивает ученый, мнения представителей еще не означают выбор применимого права сторонами, если к тому же не ясно, были ли представители уполномочены на выбор применимого права или только на оказание содействия в судебном заседании²⁷. Более осторожно к выбору применимого права подошел трибунал Болоньи, когда исключил молчаливый выбор итальянского права в отношении дорожно-транспортного происшествия в Румынии даже несмотря на то, что потерпевший согласился пройти медицинское обследование по месту нахождения страховой компании в Италии и что мировое соглашение между сторонами заключено в Италии²⁸.

М. Л. Кинслер и Б. Фелпс, комментируя практическое приложение ст. 14 Регламента 2 в Соединенном Королевстве Великобритании и

Ирландии, заявляют о едва ли не полном отсутствии случаев ее прямого применения²⁹. Тем более интересны для уяснения *ratio decidendi* те немногие судебные споры, где эта статья всё же попадает в поле зрения судьи, хотя и не в контексте деликта. Одним из таких дел стал спор между двумя российскими бизнесменами — дело «Бажанов против Фосмана» 2017 г., где судья, приняв во внимание требования ст. 14 Регламента 2, постановил, что предполагаемый устный выбор применимого права и юрисдикции недостаточен, чтобы считаться осуществленным выбором права и юрисдикции; кроме того, в любом случае нет доказательств того, что внедоговорные обязательства входили в сферу действия соглашения³⁰. Таким образом, суд, в том числе принимая во внимание требования российского законодательства к форме сделки, признал выбор английского права к договору и английского суда как места рассмотрения спора не состоявшимся и отказал в применении английского права к обязательствам из неосновательного обогащения, «поскольку дело преимущественно связано с Россией» (*the case is overwhelmingly connected with Russia*).

Если в странах ЕС практика выбора применимого права к трансграничным деликтам чрезвычайно низкая, то в Российской Федерации она, по сути дела, отсутствует. Когда же российские суды в текстах решений упоминают пункт 4 ст. 1219 ГК РФ совместно со статьей 1223.1 ГК РФ, то происходит это традиционно в связи с поиском выбора сторонами применимого права как предварительного условия для использования субсидиарных норм. Как правило, данный поиск приводит к отрицательному результату. Из проанализированных судебных материалов, предоставленных СПС «Гарант», СПС «КонсультантПлюс», сайтом «Судебные и нормативные акты РФ», найдена пара споров из неосновательного обогащения между предпринима-

²⁵ Germany // Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O’Keeffe S. Op. cit. P. 108, 245.

²⁶ Italy // Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O’Keeffe S. Op. cit. P. 320.

²⁷ Italy // Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O’Keeffe S. Op. cit. P. 320–321.

²⁸ Italy // Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O’Keeffe S. Op. cit. P. 321.

²⁹ United Kingdom, Ireland // Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O’Keeffe S. Op. cit. P. 693.

³⁰ [2017] EWHC 3404 (Comm).

телями, где в одном случае был осуществлен косвенный³¹, а в другом — прямой выбор применимого права³². Что касается трансграничных деликтов, то по ним суд исходил из общего правила определения применимого права — закона места причинения вреда³³ в отсутствие соглашения о выборе применимого права.

В зарубежной доктрине со времен итальянских статутариев идет спор о том, привязано ли право к территории или к гражданам, жителям этой территории, следствием чего стала разработка теории о реальных и персональных статутах³⁴. При этом, по мнению Дж. Биля, большинство статуты, включая деликтный, имеют территориальный характер³⁵: считается, что «связь с местом причинения вреда обеспечивает справедливый баланс между интересами потерпевшего и причинителя вреда»³⁶, потому долгое время привязка к закону места причинения вреда рассматривалась для трансграничных

деликтов в качестве единственно правильной, акцентируя все-таки защиту прав и интересов слабой стороны.

Тем не менее многие ученые понимают, что не все законы, регулирующие деликты, связаны или должны быть связаны с территорией. Таким образом, и в этой консервативной сфере с принятием Регламента 2 в Европе произошла своего рода революция, открывшая для трансграничных деликтов автономию воли сторон: согласно Пояснительной записке к окончательному тексту Регламента 2 «современный концепт гражданско-правовой ответственности больше не ориентируется на наказание виновного поведения, а направлен сегодня на компенсационную функцию»³⁷. Комментаторы утверждают, что целями принятия Регламента 2 и закрепления автономии воли для трансграничных деликтов выступали избежание правовой неопределенности³⁸, экономия судеб-

³¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.02.2018 по делу № А14-9984/2016 // URL: www.sudact.ru (дата обращения: 15.02.2024).

³² Решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации от 01.10.2015 № 14/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Выбор права, применимого к отношениям из неосновательного обогащения, осуществлен швейцарской компанией в пользу российского права, а ответчик, российская компания, не возражала; при этом английское право, выбранное для применения к договору купли-продажи и которое можно было бы распространить на обязательства не из договоров, заменено.

³³ Решение Симферопольского районного суда Республики Крым от 26.08.2014 по делу № 2-705/2014 ; решение Симферопольского районного суда Республики Крым от 29.10.2014 по делу № 2-1790/2014 (заочное); решение Симферопольского районного суда Республики Крым от 16.10.2014 по делу № 2-1962/2014 (заочное); решение Симферопольского районного суда Республики Крым от 24.10.2014 по делу № 2-2308/2014 (заочное); решение Ялтинского районного суда Республики Крым от 25.11.2014 по делу № 2-116/2014 ; решение Октябрьского районного суда г. Липецка от 18.12.2017 по делу № 2-1763/2017 // URL: www.sudact.ru (дата обращения: 15.02.2024).

³⁴ *Symeonides S. C. Choice of Law: The Oxford Commentaries on American Law*. New York : Oxford University Press, 2016. P. 177–178.

³⁵ Цит. по: *Symeonides S. C. Op. cit.*

³⁶ *Zhang M. Party Autonomy in Non-Contractual Obligations: Rome II and Its Impacts on Choice of Law* // *Seton Hall Law Review*. 2009. Vol. 39. P. 865.

³⁷ Цит. по: *Boer T. M. de Party Autonomy and its Limitations in the Rome II Regulation* // *Yearbook of Private International Law*. 2007. Vol. 9. P. 26.

³⁸ *Boer T. M. de. Op. cit.* P. 21 ; *Graziano T. K. Freedom to choose the applicable law in tort — Articles 14 and 4(3) of the Rome II Regulation* // *The Rome II Regulation on the Law Applicable to Non-Contractual Obligations: A New Tort Litigation Regime* / W. Binchy, J. Ahern (eds). Leiden, 2009. P. 115 ; *Leible S., Lehmann M. Die neue EG-Verordnung über das auf außervertragliche Schuldverhältnisse anzuwendende Recht («Rom II»)* // *Recht der internationalen Wirtschaft*. 2007. Heft 10. S. 721 ; *Rühl G. Choice of Law and Choice of Forum in the European*

ных расходов (включая скорость рассмотрения спора в суде)³⁹, недопущение forum shopping⁴⁰, оптимизация правового регулирования, связанного, в частности, с особенностями гражданского (арбитражного) судопроизводства в разных странах⁴¹.

Г. Рюль полагает, что причина, по которой стороны думают, будто они преумножат свое благосостояние, заключается в уверенности, что они выбрали лучшее право; и пока стороны согласны со своим выбором применимого права и юрисдикции и выбор не нарушает права третьих лиц, это будет вести к ситуации, именуемой эффектом Парето⁴². И хотя ученый дает оценку автономии воли сторон в договорных отношениях, надо полагать, что и во внедоговорных отношениях названные закономерности и признаки тоже могут иметь место.

Отрицает мертворожденный характер нормы ст. 14 в сочетании со ст. 4 Регламента 2 Т. К. Грациано, признавая, что «именно стороны лучше всего знают, какое применимое право лучше всего защитит их интересы и приведет к желаемому результату»⁴³. Тут, конечно, сле-

дует уточнить, что данное утверждение слабо соотносится со сторонами — физическими лицами — согласно действующему российскому законодательству оно может быть распространено с оговорками на предпринимателей, для которых профессионализм, хотя и не упомянутый в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ⁴⁴, но прямо прописанный именно в разд. VI «Международное частное право» (п. 1 ст. 1212 ГК РФ), служит существенным признаком; от рядовых граждан, в том числе в приведенном ранее примере, в отсутствие представителей, ожидать знания лучшего применимого права означало бы возложение завышенных требований. Однако же наиболее привлекательным вариантом для сторон (и суда) выступает соглашение о выборе lex fori с целью исключить применение иностранного права, и суды, при молчании и недостаточных умениях сторон пользоваться нормами международного частного права (могут выбрать иностранное право), часто обращаются к фикции о выборе lex fori⁴⁵, допустимость чего сегодня активно дискутируется в Германии и других европейских странах (см. выше).

Union: Recent Developments // Civil Justice Systems in Europe: Implications for Choice of Forum and Choice of Contract Law / ed. by C. Hodges, S. Vogenauer. Oxford, 2010. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1604615 (дата обращения: 15.02.2024); Zhang M. Op. cit. P. 890.

³⁹ Graziano T. K. Op. cit. P. 115; Rühl G. Op. cit.; Symeonides S. C. Rome II and Tort Conflicts: A Missed Opportunity // American Journal of Comparative Law. 2008. Vol. 56. P. 43; Symeonides S. C. Party Autonomy in Rome I and II from a Comparative Perspective // Convergence and Divergence in Private International Law — Liber Amicorum Kurt Siehr / K. Boele-Woelki, T. Einhorn, D. Girsberger, S. Symeonides (Eds). Eleven International Publishing, 2010. P. 540; Zhang M. Op. cit. P. 890.

⁴⁰ Zhang M. Op. cit. P. 890.

⁴¹ В частности, в деле, рассмотренном в 1976 г. в нидерландском суде, стороны согласовали для регулирования трансграничного деликта lex fori, поскольку нидерландская процессуальная норма не позволяла оспаривать иностранное право. Фабула дела: французская компания сбросила остатки соляной кислоты в Рейн, вследствие чего нидерландская садоводческая компания, использовавшая воду из реки для орошения, была вынуждена установить систему очистки воды. Иск о возмещении ущерба французской компанией был подан в нидерландский суд. В случае недостижения соглашения о применимом праве должно было бы применяться французское законодательство, содержащее наиболее строгую ответственность того времени, однако невозможность обжалования судебного решения не удовлетворяла никого (Graziano T. K. Op. cit. P. 116).

⁴² Rühl G. Op. cit.

⁴³ Graziano T. K. Op. cit. P. 115.

⁴⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴⁵ Graziano T. K. Op. cit. P. 119–120.

С. Х. Симеонидис придерживается дифференцированного подхода в оценке соглашений *post* и *ante* о выборе применимого права к трансграничным деликтам. Если первые обладают вышеперечисленными преимуществами, то вторые вредны и ведут, по мнению ученого, к обратному эффекту: «стороны не размышляют и не должны размышлять о будущем правонарушении, они не знают, кто кому причинит вред или каков будет характер и тяжесть травмы. Более того, слабая или неискушенная сторона может некритично подойти к подписанию такого соглашения, несмотря на более высокую вероятность того, что она окажется потерпевшим, нежели правонарушителем... поэтому соглашения *ante* о выборе права к деликтам должны быть либо запрещены, либо строго контролироваться»⁴⁶. И даже если отношения носят коммерческий характер, здесь тоже не все гладко, чтобы без оглядки использовать соглашения *ante* о выборе права к трансграничным деликтам: например, в коммерческом по своей природе договоре франчайзинга у франчайзи обычно очень слабая позиция, что дало основание многим государствам на законодательном уровне отменить положения о защите прав потребителей в отношении франчайзи⁴⁷. Следовательно, соглашения *ante* о выборе права к трансграничным деликтам применительно к мелкому бизнесу могут равным образом представлять «эксплуатацию слабой стороны»⁴⁸.

С позиции философии права деликтное право охватывает, несмотря на бурные споры в научной среде по данному вопросу, обе категории дел — предполагающие индивидуализирован-

ное правосудие, с одной стороны, и рутинное разрешение спора, с другой. Автономия воли сторон выступает эффективным средством, позволяющим демаркировать эти категории дел: такой подход уважает индивидуализированное правосудие, оставляя сторонам контроль над спором, одновременно его использование повышает компенсацию, а также исполнительскую эффективность при возможном сохранении сдерживающего эффекта⁴⁹.

В свою очередь, и российские коллизионисты неоднозначно воспринимают автономию воли сторон для регулирования трансграничных деликтов. В. П. Звеков провозглашает использование автономии воли (в ограниченных пределах) в рамках деликтных обязательств «знамением времени»⁵⁰. В более спокойном дискурсе, но также высоко положительно высказывается об автономии воли сторон Н. И. Марышева, квалифицируя признание автономии воли сторон как современную тенденцию развития международного частного права, направленную на достижение правовой определенности и справедливости⁵¹. Как гарантию правовой определенности правоотношений видит выбор сторонами применимого права К. В. Нам, поддерживающий мнение, согласно которому выбор сторонами права страны суда сопровождается рядом преимуществ, например значительно сокращает сроки судебного разбирательства, подразумевает принятие более «качественного» судебного решения⁵².

Г. К. Дмитриева, анализируя п. 3 ст. 1219 ГК РФ в редакции 2001 г., где сторонам разрешался выбор права в пользу закона суда (т. н.

⁴⁶ *Symeonides S. C. Rome II and Tort Conflicts: A Missed Opportunity*. P. 43.

⁴⁷ *Symeonides S. C. Op. cit.* P. 44.

⁴⁸ *Symeonides S. C. Party Autonomy in Rome I and II from a Comparative Perspective*. P. 541, 546.

⁴⁹ *Robinette C. J. Party Autonomy in Tort Theory and Reform* // *Journal of Tort Law*. 2015. URL: <https://ssrn.com/abstract=2569844> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵⁰ *Звеков В. П. Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве*. М., 2007.

⁵¹ *Марышева Н. И. Современные тенденции коллизионного регулирования деликтных обязательств: Регламент ЕС 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II) и российское законодательство* // *Журнал российского права*. 2016. № 6. С. 68, 73.

⁵² *Нам К. В. Ограничения выбора применимого права в соответствии с Регламентом ЕС № 864/2007 от 11.07.2007 «О праве, применимом к внедоговорным обязательственным отношениям»* // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 2.

ограниченный выбор применимого права), хотя и признавая радикальный характер нововведения, тем не менее считает главным недостатком указанной нормы отсутствие интенции «на защиту интересов потерпевшего путем установления для него более благоприятных условий, чем для причинителя вреда, т. к. в выборе участвуют обе стороны». Кроме того, ученый обращает внимание на нулевую онтологическую связь между внедоговорным трансграничным обязательством и договором⁵³.

А. В. Банковский, в целом не оспаривая возможность выбора права в деликтных отношениях, логично подходит к объяснению ограничения свободы выбора права правом суда и связывает такое решение законодателя с «традиционно патерналистским отношением к пострадавшему, который часто оказывается экономически более слабой стороной правоотношения, чем делинквент»⁵⁴.

Предшествующее мнение разделяет Е. А. Абросимова, которая также полагает в качестве одной из функций усиленного публично-правового регулирования внедоговорных обязательств защиту слабой стороны, что, по мнению автора, затрудняет применение автономии воли, лежащей в основе частного права вообще и международного частного права в частности. При этом, по мысли ученого, использование нормы об автономии воли сторон в большей степени присуще предпринимателям (по другой классификации — опять же сильная сторона), которые «продумывают выбор применимого права в отношении многих аспектов, прямо или косвенно связанных с договором», но не гражданам⁵⁵.

А. О. Иншакова и Ю. А. Тымчук исходят из современного подхода, заключающегося «в постепенном отказе от территориальной привязки какого-либо конкретного одного элемента правоотношения... в связи с тем, что эти обстоятельства могут оказаться несущественными и не определяющими для нахождения правового пространства, к которому привязано все правоотношение в целом»⁵⁶.

Ослабление территориальной привязки может быть обусловлено в том числе и сложностью установления места причинения вреда, что характерно для деликтных обязательств в сфере интеллектуальной собственности, где «виртуальность использования результата интеллектуальной деятельности осложняет локализацию места реализации субъективного исключительного права в географическом пространстве в пределах территории отдельного государства»⁵⁷. Однако позиции ученых в вопросе сферы действия т. н. статута исключительного права пока более чем осторожны. Вместе с тем думается, что стороны чаще будут обращаться к автономии воли при определении статута исключительного права, в том числе во избежание санкционных коннотаций.

С хронологической точки зрения рассматривает принцип автономии воли сторон в отечественном законодательстве Т. В. Новикова, выделяя 2 этапа развития законодательства Российской Федерации об автономии воли в области трансграничных деликтных и кондикционных обязательств: 1) до 2013 г.; 2) с 1 ноября 2013 г. По высокой оценке ученого, Федеральным законом № 260-ФЗ 2013 г. осуществлена унификация и либерализация

⁵³ Дмитриева Г. К. Становление российской концепции правовой регламентации трансграничных внедоговорных обязательств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 12. С. 12.

⁵⁴ Банковский А. В. Деликтные обязательства в международном частном праве Российской Федерации // Современное право. 2001. № 7. С. 41, 45.

⁵⁵ Абросимова Е. А. Внедоговорные обязательства в МЧП и косвенная автономия воли // Право и экономика. 2016. № 6.

⁵⁶ Иншакова А. О., Тымчук Ю. А. Вопросы применимого права в сфере деликтных отношений с иностранным элементом // Вестник ВолГУ. Серия 5, Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 4 (33). С. 107.

⁵⁷ Крупко С. И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве. М. : Статут, 2018.

стандарта автономии воли во внедоговорных обязательствах⁵⁸.

Наконец, переходя к анализу причин низкой востребованности автономии воли при определении применимого права к трансграничным деликтам, следует указать, что, во-первых, прямое регулирование унифицированными материальными нормами отдельных деликтов исключает по общему правилу выбор применимого права, например Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб от 21.05.1963, Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 г., Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок от 28.05.1999⁵⁹ и др.

Во-вторых, в Российской Федерации и за рубежом разрешение спора на досудебной стадии отменяет необходимость заключения соглашения о выборе права и в целом коллизионного регулирования: например, если законодатель не устанавливает уголовного преследования в публичном или частно-публичном порядке (или его аналогов по иностранному праву) и допускает примирение сторон, то последние всегда могут воспользоваться правом «не выносить сор из избы». В противоположность другим странам, в России примирение сторон зачастую не обусловлено обращением к медиаторам⁶⁰.

В-третьих, от выбора применимого права к трансграничному деликту стороны также могут воздержаться в силу психологических причин. В отличие от других видов внедоговорных обязательств гражданско-правовые нарушения (деликты) неизменно связаны с негативным воздействием на лицо: телесные повреждения, утрата имущества, умаление достоинства и пр., а значит,

практически всегда они могут сопровождаться психологической травмой — переживанием, потрясением. Как пишет Л. А. Пергаменщик, «главным содержанием психологической травмы является утрата веры в то, что жизнь организована согласно порядку и поддается контролю»⁶¹. Поэтому любые переговоры потерпевшего с причинителем вреда будут восприниматься первым как отступление от своих интересов, и, следовательно, носить (особенно в отсутствие представителей) маловероятный характер. Юридическим подтверждением недовоговороспособности, отсутствия интереса сторон к диалогу можно считать то обстоятельство, что многие дела, приводимые в качестве примеров российской судебной практики по этой статье (сноска № 34), были рассмотрены в заочном производстве.

В-четвертых, норма не рассчитана на применение дилетантами, потому если национальное судопроизводство допускает рассмотрение спора без профессиональных представителей, то маловероятно, что сами стороны захотят (знают о возможности) отклониться от общего (гарантированного) правила. Тем более что другие пункты ст. 1219 ГК РФ уже содержат иные, наиболее часто встречающиеся на практике, а потому легализованные случаи отклонения, например наступление вреда в другой стране и его предвидение причинителем вреда; одинаковое гражданство, государственная принадлежность или место жительства, основное место деятельности потерпевшего и причинителя вреда; ведение лицами предпринимательской деятельности.

В основе достижения потерпевшим и причинителем вреда согласия о выходе на переговоры о выборе применимого права к трансграничным деликтам, как представляется, лежат

⁵⁸ Новикова Т. В. Принцип автономии воли во внедоговорных отношениях международного характера // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 289–290.

⁵⁹ Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб от 21.05.1963 // СЗ РФ. 2005. № 35. Ст. 3588; Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 г. // СПС «Гарант»; Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок от 28.05.1999 // СЗ РФ. 2017. № 37. Ст. 5495.

⁶⁰ Трезубов Е. С. Проблемы эффективности судебного примирения в российском цивилистическом процессе // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 4. С. 59–71.

⁶¹ Пергаменщик Л. А. Кризисная психология. Минск, 2004. С. 14.

две интенции: 1) стороны хотят выбрать определенное право (т. н. пророгационная интенция), например *lex fori*; 2) стороны хотят исключить определенное право (т. н. дерогационная интенция), например право недружественного государства. Однако нельзя замалчивать и тот факт, что одним из бенефициаров соглашения о выборе применимого к трансграничным деликтам права является суд, особенно если выбор сторон падет на *lex fori*.

Вышеназванные интенции более конкретно обнаруживают себя в следующих случаях. Соглашение о выборе применимого к трансграничным деликтам права предпочтительно, если:

1) посредством соглашения о выборе применимого права стороны приходят к праву, им известному или содержащему, по их мнению, оптимальное регулирование (скорость, простота, дешевизна, меньший формализм);

2) международное частное право государства, которое должно бы применяться к деликту, содержит институт обратной отсылки, потому соглашение о выборе применимого права технически удобно (правовая определенность);

3) национальное или международное коллизионное законодательство содержат устаревшие жесткие привязки, потому если это согласуется с положениями об иерархии источников

соответствующего государства, то соглашение о выборе права может быть заключено и коллизионная привязка, в том числе международного договора, нейтрализована⁶²;

4) присутствуют трудности в определении понятия «место причинения (наступления) вреда»: множественность мест (деликт совершен на границе двух государств)⁶³, виртуальность мест (т. н. цифровые офшоры).

Таким образом, анализ более чем десятилетнего использования автономии воли в трансграничных деликтах в России и за рубежом показал сравнительно небольшую востребованность нормы, особенно если сторонами деликтного обязательства выступают физические лица, что обусловлено юридическими, психологическими, квалификационными причинами. Вместе с тем обращение к автономии воли в трансграничных деликтах с участием частных лиц может быть оправданным, если стороны хотят выбрать, с их точки зрения, оптимальное, современное, более простое в применении (поиск, толкование и пр.) правовое регулирование. Следовательно, не отрицая в целом положительное значение новелл от 2013 г., следует, однако, констатировать пока исключительный характер применения автономии воли в трансграничных деликтах в силу волеизъявления сторон.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абросимова Е. А. Внедоговорные обязательства в МЧП и косвенная автономия воли // Право и экономика. — 2016. — № 6.
2. Банковский А. В. Деликтные обязательства в международном частном праве Российской Федерации // Современное право. — 2001. — № 7. — С. 40–45.
3. Внедоговорные обязательства в международном частном праве : монография / отв. ред. И. О. Хлестова. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма : Инфра-М, 2017.
4. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право : учебник. — М. : Юрайт, 2013. — 959 с.

⁶² Например, Ч. А. Туратбекова пишет: «В законодательстве Кыргызской Республики вопрос о соотношении норм внутреннего законодательства и норм международного договора, в том числе в случае их противоречия или несоответствия друг другу, решен неоднозначно». См.: Туратбекова Ч. А. Применение коллизионных норм в Кыргызской Республике. Бишкек, 2021. С. 44.

⁶³ См.: Куташевская Я. С. Историческое развитие принципа автономии воли при определении права, применимого к внедоговорным обязательствам // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2022. № 1. С. 47; Звеков В. П. Указ. соч.

5. Григорьев В. В. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (гл. 66 «Общие положения», 67 «Право, подлежащее применению при определении правового положения лиц» и 68 «Право, подлежащее применению к имущественным и личным неимущественным отношениям»). — М. : Деловой двор, 2014.
6. Дмитриева Г. К. Становление российской концепции правовой регламентации трансграничных внедоговорных обязательств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 12. — С. 6–19.
7. Звеков В. П. Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве : монография. — М. : Волтерс Клувер, 2007.
8. Иншакова А. О., Тымчук Ю. А. Вопросы применимого права в сфере деликтных отношений с иностранным элементом // Вестник ВолГУ. Серия 5, Юриспруденция. — 2016. — Т. 15. — № 4 (33). — С. 105–114.
9. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И. С. Зыкин, А. В. Асосков, А. Н. Жильцов. — М. : Статут, 2021. — 665 с.
10. Крупко С. И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве : монография. — М. : Статут, 2018.
11. Куташевская Я. С. Историческое развитие принципа автономии воли при определении права, применимого к внедоговорным обязательствам // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2022. — № 1. — С. 46–65.
12. Марышева Н. И. Современные тенденции коллизионного регулирования деликтных обязательств: Регламент ЕС 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II) и российское законодательство // Журнал российского права. — 2016. — № 6. — С. 63–73.
13. Нам К. В. Ограничения выбора применимого права в соответствии с Регламентом ЕС № 864/2007 от 11 июля 2007 г. «О праве, применимом к внедоговорным обязательствам» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2017. — № 2.
14. Новикова Т. В. Принцип автономии воли во внедоговорных отношениях международного характера // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2020. — Т. 6 (72). — № 3. — С. 289–296.
15. Пергаменщик Л. А. Кризисная психология : учеб. пособие. — Минск : Высшая школа, 2004. — 288 с.
16. Трезубов Е. С. Проблемы эффективности судебного примирения в российском цивилистическом процессе // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 4. — С. 59–71.
17. Туратбекова Ч. А. Применение коллизионных норм в Кыргызской Республике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Бишкек, 2021. — 44 с.
18. Boer T. M. de. Party Autonomy and its Limitations in the Rome II Regulation // Yearbook of Private International Law. — 2007. — Vol. 9. — P. 19–29.
19. Graziano T. K. Freedom to choose the applicable law in tort — Articles 14 and 4(3) of the Rome II Regulation // The Rome II Regulation on the Law Applicable to Non-Contractual Obligations: A New Tort Litigation Regime / W. Binchy, J. Ahern (eds). — Leiden, 2009. — P. 113–132.
20. Leible S., Lehmann M. Die neue EG-Verordnung über das auf außervertragliche Schuldverhältnisse anzuwendende Recht («Rom II») // Recht der internationalen Wirtschaft. — 2007. — Heft 10. — S. 721–735.
21. Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O’Keeffe S. Study on the Rome II Regulation (EC) 864/2007 on the law applicable to non-contractual obligations, 2021 // URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/11043f63-200c-11ec-bd8e-01aa75ed71a1> (дата обращения: 15.02.2024).
22. Robinette C. J. Party Autonomy in Tort Theory and Reform // Journal of Tort Law. — 2015 // URL: <https://ssrn.com/abstract=2569844> (дата обращения: 15.02.2024).
23. Rühl G. Choice of Law and Choice of Forum in the European Union: Recent Developments // Civil Justice Systems in Europe: Implications for Choice of Forum and Choice of Contract Law / ed. by C. Hodges,

- S. Vogenauer. — Oxford, 2010. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1604615 (дата обращения: 15.02.2024).
24. Symeonides S. C. Choice of Law: The Oxford Commentaries on American Law. — New York : Oxford University Press, 2016. — 798 p.
25. Symeonides S. C. Party Autonomy in Rome I and II from a Comparative Perspective // Convergence and Divergence in Private International Law — Liber Amicorum Kurt Siehr / K. Boele-Woelki, T. Einhorn, D. Girsberger, S. Symeonides (eds.). — Eleven International Publishing, 2010. — P. 513–550.
26. Symeonides S. C. Rome II and Tort Conflicts: A Missed Opportunity // American Journal of Comparative Law. — 2008. — Vol. 56. — P. 1–46.
27. Zhang M. Party Autonomy in Non-Contractual Obligations: Rome II and Its Impacts on Choice of Law // Seton Hall Law Review. — 2009. — Vol. 39. — P. 861–918.

Материал поступил в редакцию 15 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abrosimova E. A. Vnedogovornye obyazatelstva v MChP i kosvennaya avtonomiya voli // Pravo i ekonomika. — 2016. — № 6.
2. Bankovskiy A. V. Deliktnye obyazatelstva v mezhdunarodnom chastnom prave Rossiyskoy Federatsii // Sovremennoe pravo. — 2001. — № 7. — S. 40–45.
3. Vnedogovornye obyazatelstva v mezhdunarodnom chastnom prave: monografiya / otv. red. I. O. Khlestova. — M.: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF: Norma: Infra-M, 2017.
4. Getman-Pavlova I. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik. — M.: Yurayt, 2013. — 959 s.
5. Grigorev V. V. Kommentariy k razdelu VI «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo» chasti tretey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (gl. 66 «Obshchie polozheniya», 67 «Pravo, podlezhashchee primeneniyu pri opredelenii pravovogo polozheniya lits» i 68 «Pravo, podlezhashchee primeneniyu k imushchestvennym i lichnym neimushchestvennym otnosheniyam»). — M.: Delovoy dvor, 2014.
6. Dmitrieva G. K. Stanovlenie rossiyskoy kontseptsii pravovoy reglamentatsii transgranichnykh vnedogovornykh obyazatelstv // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2016. — № 12. — S. 6–19.
7. Zvekoy V. P. Obyazatelstva vsledstvie prichineniya vreda v kollizionnom prave: monografiya. — M.: Volters Kluver, 2007.
8. Inshakova A. O., Tymchuk Yu. A. Voprosy primenimogo prava v sfere deliktnykh otnosheniy s inostrannym elementom // Vestnik VolGU. Seriya 5, Yurisprudentsiya. — 2016. — T. 15. — № 4 (33). — S. 105–114.
9. Kommentariy k razdelu VI «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo» chasti tretey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) / otv. red. I. S. Zykin, A. V. Asoskov, A. N. Zhiltsov. — M.: Statut, 2021. — 665 s.
10. Krupko S. I. Deliktnye obyazatelstva v sfere intellektualnoy sobstvennosti v mezhdunarodnom chastnom prave: monografiya. — M.: Statut, 2018 // SPS «KonsultantPlyus».
11. Kutashevskaya Ya. S. Istoricheskoe razvitie printsipa avtonomii voli pri opredelenii prava, primenimogo k vnedogovornym obyazatelstvam // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2022. — № 1. — S. 46–65.
12. Marysheva N. I. Sovremennye tendentsii kollizionnogo regulirovaniya deliktnykh obyazatelstv: Reglament ES 2007 g. «O prave, podlezhashchem primeneniyu k vnedogovornym obyazatelstvam» (Rim II) i rossiyskoe zakonodatel'stvo // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2016. — № 6. — S. 63–73.
13. Nam K. V. Ogranicheniya vybora primenimogo prava v sootvetstvii s Reglamentom ES № 864/2007 ot 11 iyulya 2007 g. «O prave, primenimom k vnedogovornym obyazatelstvennym otnosheniyam» // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 2017. — № 2.

14. Novikova T. V. Printsip avtonomii voli vo vnedogovornyykh otnosheniyakh mezhdunarodnogo kharaktera // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. — 2020. — T. 6 (72). — № 3. — S. 289–296.
15. Pergamenschik L. A. Krizisnaya psikhologiya: ucheb. posobie. — Minsk: Vysheyshaya shkola, 2004. — 288 s.
16. Trezubov E. S. Problemy effektivnosti sudebnogo primireniya v rossiyskom tsivilisticheskom protsesse // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2023. — T. 27. — № 4. — S. 59–71.
17. Turatbekova Ch. A. Primenenie kollizionnykh norm v Kyrgyzskoy Respublike: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Bishkek, 2021. — 44 s.
18. Boer T. M. de. Party Autonomy and its Limitations in the Rome II Regulation // Yearbook of Private International Law. — 2007. — Vol. 9. — P. 19–29.
19. Graziano T. K. Freedom to choose the applicable law in tort — Articles 14 and 4(3) of the Rome II Regulation // The Rome II Regulation on the Law Applicable to Non-Contractual Obligations: A New Tort Litigation Regime / W. Binchy, J. Ahern (eds). — Leiden, 2009. — P. 113–132.
20. Leible S., Lehmann M. Die neue EG-Verordnung über das auf außervertragliche Schuldverhältnisse anzuwendende Recht («Rom II») // Recht der internationalen Wirtschaft. — 2007. — Heft 10. — S. 721–735.
21. Lein E., Migliorini S., Bonzé C., O’Keeffe S. Study on the Rome II Regulation (EC) 864/2007 on the law applicable to non-contractual obligations, 2021 // URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/11043f63-200c-11ec-bd8e-01aa75ed71a1> (data obrashcheniya: 15.02.2024).
22. Robinette C. J. Party Autonomy in Tort Theory and Reform // Journal of Tort Law. — 2015 // URL: <https://ssrn.com/abstract=2569844> (data obrashcheniya: 15.02.2024).
23. Rühl G. Choice of Law and Choice of Forum in the European Union: Recent Developments // Civil Justice Systems in Europe: Implications for Choice of Forum and Choice of Contract Law / ed. by C. Hodges, S. Vogenauer. — Oxford, 2010. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1604615 (data obrashcheniya: 15.02.2024).
24. Symeonides S. C. Choice of Law: The Oxford Commentaries on American Law. — New York: Oxford University Press, 2016. — 798 p.
25. Symeonides S. C. Party Autonomy in Rome I and II from a Comparative Perspective // Convergence and Divergence in Private International Law — Liber Amicorum Kurt Siehr / K. Boele-Woelki, T. Einhorn, D. Girsberger, S. Symeonides (eds.). — Eleven International Publishing, 2010. — P. 513–550.
26. Symeonides S. C. Rome II and Tort Conflicts: A Missed Opportunity // American Journal of Comparative Law. — 2008. — Vol. 56. — P. 1–46.
27. Zhang M. Party Autonomy in Non-Contractual Obligations: Rome II and Its Impacts on Choice of Law // Seton Hall Law Review. — 2009. — Vol. 39. — P. 861–918.